

КАЗАҚСТАН ХАЛЫҚТАРЫ
ТІЛІНДЕГІ ӘДЕБИЕТТЕР

А2008
780к

ЛИТЕРАТУРА
НАРОДОВ КАЗАХСТАНА

БАХЫТЖАН МОМЫШУЛЫ

The background of the cover features a detailed illustration of a traditional Kazakh yurt. The structure is made of earth and wood, with several arched doorways visible. The scene is set against a dark, atmospheric sky.

**Сердце
волка**

Бахытжан МОМЫШУЛЫ

СЕРДЦЕ ВОЛКА
(роман-эссе)

**“Ер-Даулет”
Астана-2007**

ББК 84(5 Каз)-4
М 22

Министерство культуры и информации
Республики Казахстан

Выпущено по программе Комитета
информации и архивов

М 22 Момышулы Бахытжан.
“Сердце волка” роман-эссе.
– Астана: Ер-Даулет, 2007. – 400 с.
ISBN 9965-436-37-1

Когда судьба, волей Аллаха, дарит встречи с неординарным человеком, каждый раз душа радуется, как бескорыстный ребенок. Но этот младенец, начинает очищаться и расти, получая подтверждение верности избранного им пути и своего места в окружающем мире. Однако это не отделяет дитя от других сущностей, находящихся в духовном поиске, не изолирует его от людей, не наполняет самомнением, а просто делает видимым уровень сознания, который еще вчера оставался за пеленой тумана. И причина этого в понимании того, что это место свое и только свое, а не отнятое у другого божьего создания. Оба приходят в обоюдно полезное и обогащающее соприкосновение, сохраняя собственную индивидуальность. При этом они осознают чистоту своих взаимоотношений, не замутненную никакими тенями товарного мира. И омытая душа начинает понимать, что разлуки не существует. Одно за другим, слой за слоем ее начинают окутывать теплые воспоминания, пока она не превращается в кокон памяти. А память – это знание, которым обязательно надо делиться с другими.

М 4702250201
00(05)-07

ББК 84(5 Каз)-4

ISBN 9965-436-37-1

© Б. Момышулы, 2007

Мартин Лутер.
Джон Хатчинсон.
Уильям Уинн.

**Посвящается памяти добрых
и чистых родителей Сабыржана
хаджи – его святой матери Фатимы
апа, отца Галымжана ага, мудрого
дедушки Махмета ага.**

ПРОЛОГ

Аркинская степь люто дышала холодом. Ночной буран намел белоснежные сугробы, укутав аул Сабынды зимними снами. Голубоватые барханы волнами горбились на равнине. Издали доносился тоскливый волчий вой.

Семилетний Сабыржан проснулся раньше всех и посмотрел на все еще темное, залепленное снегом оконце. Почти неслышимый голос волка проник в самое сердце и словно позвал малыша в неведомую даль. В душе возникло неизъяснимое и острое желание увидеть серого волка, который уже успел зарезать трех овец в загоне соседей, живших на самом краю селения. Интересно, сумел ли волк сказать «Бисмилля», перед тем, как задрать баранов? Об этом нужно спросить у самого волка при встрече.

Мальчик встал с постели, оделся, стараясь не шуметь, взял на кухне нож и засунул его за ремень. В прихожей он отыскал самодельный лук и три стрелы, вырезанные из прутиков лозы и оснащенные жестяными наконечниками. Затем он взял широкие лыжи-снегоходы и, осторожно открыв заскрипевшую дверь, вышел во двор. К нему, ластаясь, подошла огромная серая собака с пышной гривой на шее и завилыла хвостом. Сабыр погладил пса по голове и сказал:

– Охраняй двор, Тобет. Сейчас ты мне не нужен. Мы с тобой поиграем, когда я вернусь после встречи с волком.

Обвислые уши добродушного сильного кобеля чуточку шевельнулись, и пес лениво побрел к своей конуре, немного обиженный.

На улице, встав на лыжи, мальчик покатил, отталкиваясь палками, в предрассветную, все еще темную степь, прямо на голос волка.

Мороз обжигал горло и пощипывал щеки. От этого становилось весело. Но сильнее чувства радости от ощущения широкой воли, было великое желание встретить могучего зверя и поговорить с ним.

Сабыржан скользил по степи, чувствуя, как все тело наливается теплой силой, которая с каждым шагом становилась все горячее. Ему хотелось смеяться и петь. Но когда он вдохнул в легкие воздух, то стужа обожгла ему горло.

И вдруг впереди появился темный зверь, который неспешной рысцой бежал в предутренней мгле. Он изредка останавливался и, не двигая шеей, глядел на мальчика, а потом продолжал свой бег.

– Тобет, я же велел тебе оставаться дома, - с досадой крикнул Сабыр. – Подожди же, не убегай! Сейчас же возвращайся во двор! Ты хочешь спугнуть моего волка?

Зверь остановился и снова посмотрел на малыша.

– У тебя уши выросли? – удивился Сабыржан. – Они же у тебя вниз свисали, а сейчас торчком стоят. Ну, ладно, если уж прибежал сюда, то дай набросить лук тебе на шею, чтобы ты прокатил меня по степи.

Он еще не знал, что волки никому не позволяют запрыгать себя.

Расстояние между ними сократилось. И тут Сабыр увидел, что перед ним стоит, уперев мощные лапы в снег, какой-то чужой зверь, а не его добродушный Тобет. Но страха не было.

– Ассалаум агалейкум, - вежливо произнес мальчик.

По шкуре волка прокатилась дрожь. Взгляд его был суровым и в то же время добрым. Глаза горели зеленоватым светом, и это понравилось малышу.

– Тебе, наверное, холодно и одиноко? – спросил Сабыржан. – А может, ты голоден? Жаль, что я забыл прихватить для тебя лепешку.

Глаза волка вспыхнули желтовато-зеленым огнем. Взгляды матерого волка и человеческого детеныша встретились. Зелено-золотистый луч проник в самое сердце мальчика и остался там, наполняя его какой-то непонятной силой, похожей на гордый восторг. Они глядели друг на друга и, казалось, понимали мысли и чувства стоявшего напротив существа. И не было здесь места ни враждебности, ни ненависти, ни страху...

И в это время в хрупкой морозной тишине прозвучал гулкий выстрел. Словно прощаясь с другом, волк опустил на миг лобастую голову. После второго выстрела он медленно, не ворочая шеей, повернулся и огромными прыжками бросился в степь.

И тут же раздался топот копыт, за которым послышался встревоженный крик отца:

– Сабыржан! Где ты, сынок?! Отзовись!

– Отец! Я здесь! Ты спугнул моего друга! – откликнулся Сабыр.

Галымжан ага спрыгнул с коня и обнял сына с такой силой, что у малыша затрещали ребра. Потом он прошел немного вперед и, увидев большие волчьи следы, без сил опустился прямо на снег.

Придя в себя, он снял лыжи с ног сына, поднял его в седло, и они поехали в сторону аула. Дуло отцовского ружья 16-го калибра все еще пахло сгоревшим порохом. Сабыржан захлеб рассказывал ему о встрече с другом, а отец молчал.

Дома уже была жарко натоплена печь, и на ней исходил паром большой чайник. Лицо мамы было спокойным, но бледным. Отец подошел к печи и, приложив к ее боку ладони, стал отогревать руки. А Сабыржан в это время торопливо рассказывал матери о своей встрече с волком.

– Как он выглядел? – спросила Фатима апа.

– Он был очень красивым и умным, как наш отец. У него и глаза прекрасные, зеленые, совсем как у родителя, – простодушно сказал Сабыр.

Отец фыркнул:

– Не пойму, упорным ты растешь или упрямым. Если я похож на волка, то ты, коли станешь упрямым, будешь похож на быка. А бык помещается в маленькую консервную банку, на которой написано «Тушеная говядина».

С этими словами он вышел из дома. Мама тихо рассмеялась, а потом стала очень серьезной:

– Скажи, взгляд волка пронизал тебя, или это твой взгляд вошел в зверя?

– Я не знаю, – растерянно пожал плечами Сабыржан. – Мы, наверное, обменялись глазами.

– Сейчас ты, сам того не подозревая, сказал хорошие слова. Но ты должен знать, что среди сотен серых хищников попадается один священный волк. Вполне может статься, что именно он вышел на встречу с тобой, заранее позвав из Степи. Он одарил тебя взглядом, передав особую силу и высокое благословение. Запомни эту встречу на всю жизнь, Сабыр!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Город начал отогреваться под ласковым мартовским солнцем. Но неожиданно его улицы снова покрылись снегом, еще не забытым с дней недавней, суровой зимы. Деревья, не успевшие нарядиться в одежды из клейких зеленых листьев, чернели стволами в белой круговерти. Однако непогода не вызывала тоски, потому что уже на следующее утро должно было вернуться тепло. А когда на землю ложится снег или орошает ее дождь, народ считает это доброй приметой и говорит: «Алланын нуры жауды», то есть, милостью Аллаха на нас пали с небес отблески божьего света. Сам я с детства люблю медленные снегопады и шелестящие осенние дожди. В такие дни и ночи сердце наполняется покоем. Мне легче дышится, лучше мечтается, и карандаш во время работы словно сливается с рукой. Даже с возрастом, когда хмурое небо стало в непогоду помаленьку выкручивать суставы, мое чувство приязни не прошло. Я выхожу на балкон, подставляю ладони отсветам милости Всевышнего, а потом смотрю на прохожих, и в каждом вижу близкую в чем-то душу, которой желаю честного благополучия и теплого мира в доме.

Утром позвонил Сабыржан, прилетевший самолетом из Астаны, совсем недавно прозывавшейся Акмолой. Это от него я узнал в свое время, что Акмола – неправильное название многострадального казахского города. Оказывается, оно не имеет никакого отношения к Ак моле – белой могиле. Некоторое время назад городу приклеили хрущевско-волонтаристский ярлык «Целиноград», однако носить чужое имя не только неприятно, но и тяжело. Он вздохнул было с облегчением, но, услышав все то же окончание «а», снова загрустил, глядя в Великую Степь невеселым взором, перед которым призрачным видением вставала белая могила. Когда же вернут ему исконное имя, данное предками, святыми Аруахами, ушедшими из прошлого в будущее? Он давно уже тоскует по своему имени Акмол, которое при рождении трижды прокричали ему в ухо священные люди. Эти мудрые создания знали, что новорожденным для жизни нужно молоко «Ак». Его было вдоволь в родной степи, где мчались, развевая шелковистые гривы, стройные кобылицы, готовые дать младенцу пенистый серебряный кумыс. А среди высоких мятных дерменов бродили пестрые коровы, щедрые на сладкое молоко. И качали тугими горбами верблюдицы, предлагая ребенку густой шубат... Ак мол – таково истинное имя нашего города, имеющего Ак журек, то

есть, чистое сердце. Ак мол – значит, много молока, вдоволь благоденствия...

Это и есть родной край Сабыржана, его белая колыбель, качивавшая его раздолными песнями Сарьарки, древними народными сказами, речитативами терме и волшебством кюйев. Каждая былинка, каждый камешек, каждая травинка были пропитаны ароматом народа, а воздух звенел от гортанных и могучих потоков родного языка. Но чем старше становился Сабыр, тем явственней ощущал он пришлый запах, от которого болью и тревогой наполнялось сердце. Этот чужеродный ветер оглушал и ослеплял людей, даже близких превращая в далеких. Отравленные родичи, потянувшись к чужому веянию, перестали узнавать рокот домбры. Они неуклюже сползли с боевых седел, оскорбляя обиженных аргамаков. И вместо кожаных торсыков с целебным кумысом стали брать в трясущиеся руки стеклянные бутылки с бешеной водой, впивая вместе с ней слова не своей речи и чуждого нрава. А холодный ветер крепчал. Он мчался по Великой Степи, по высоким снежным горам, по лесам и пустыням родной земли, выдувая тепло из логов, ущелий, домов, остужая души и делая ледяными сердца. Старцы с болью смотрели на своих онемевших отпрысков, удивляясь их слепоте. Утирая слезы концами белоснежных жаулыков, святые матери виновато опускали головы, словно родили не детей, а ящериц и змей. «Мангурты, не имеющие корней», - в гневной печали шептали аксакалы, не смея возвысить голос, ибо ветер нес дробинки тяжелого свинца, успевшего выкосить половину степи и гор. Сыновья и внуки в беспамятстве уходили все дальше от дедов и отцов. А предки, спрятав глубоко в память мудрые заветы, возносились все выше, надеясь, что грядущие поколения очистятся от яда, прозреют, проснутся и вернуться к родным корням Великого Байтерека...

Сабыржана Махметова я знаю давно, пожалуй, с того дня, когда светлолицый юноша лет семнадцати-восемнадцати пришел в наш дом, чтобы попросить моего отца благословить его. Оказывается, он бывал здесь и раньше, просто, мне как-то не доводилось встретиться с ним. Сабыр выполнил поручение своей мамы, передав отцу салем от его младшей сестры, моей Фатимы Апке, которая была с папой из одного племени Дулат, и попросил пожелание-бата для себя. У нас принято делать вид, что аксакал трижды плюет в лицо просящему бата, чтобы отвести от него будущие беды, но родитель сначала отказался и не стал исполнять этот обряд, а вдохнул в себя запах его волос, высказал самые теплые пожелания и назвал его «Сабентаем».

Однако Сабыр, хорошо зная наши обычаи, стал настаивать, и отец, чтобы не обидеть его, сделал вид, что трижды плюнул в него. Как бы там ни было, но несколько капель мокроты все же попали на щеки Сабыржана, и тогда улыбка осветила его лицо. Затем, повинувшись какому-то мощному внутреннему порыву, родитель привлек его к своей широкой груди и поцеловал юношу. Подобной лаской он очень редко одаривал кого-нибудь. Было видно, что молодой человек очень нравился отцу своей чистотой, открытостью, затаенной смелостью, умом.

Спустя годы, Сабыржан рассказал, что, вернувшись в аул, он рассказал матери об этой встрече со всеми подробностями, добавив:

– Мама, я до сих пор еще не умывался, боясь смыть с лица капли слюны Баурджана Ата.

– И что ты чувствуешь? – странным голосом спросила Фатима Апке.

– Я ощущаю в том месте ожог, который медленно передвигается внутрь меня, и уже достиг сердца, – признался он.

– Я знаю, что Баурджан коке в жизни своей поцеловал только тебя и моего младшего брата Бахытжана, – сказала Фатима Апке и глаза ее наполнились слезами радости...

А я вспомнил, что в тот давний день, когда Сабыр ушел, отец вставил в длинный мундштук сигарету, закурил и задумчиво сказал:

– У этого джигита есть все качества воина и будущего мудреца. Не знаю, какой из двух путей он выберет сам, но на любой дороге имя его будет узнаваемым.

– А что, если он станет мудрым воином? – спросил я.

Отец глубоко вздохнул:

– Обе дороги необыкновенно трудны. А если он, объединив, сольет их в одну, то путь судьбы станет тяжелей вдвойне... Но зато сам он наполнится двойным содержанием, имеющим многие нравственные смыслы.

В тот день, признаться, я не совсем ясно понял слова отца, хотя и поспешил записать их для памяти в тетрадь. Сабыр продолжал заходить к нам, делая это не очень часто, но и не слишком редко, почти всегда в такие дни, когда мы уже начинали скучать по нему. Когда я спросил, почему он делает такие перерывы между посещениями, Сабыржан рассмеялся:

– Бахыт ага, в давние времена один дервиш долго не приходил в дом к щедрому купцу, а когда появился, хозяин спросил, почему он отсутствовал столь продолжительное время. Дервиш ответил: «Разве не лучше услышать «Где ты был?», чем услышать: «Ты опять пришел?»...»

Однажды, когда в Алматы приехал его отец, Галымжан ага, мы с ним, встав из-за дастархана отца, отправились в парк, где завели разговор о Сабыржане, устлая аллеи своими словами, как листьями. Во время этой прогулки он рассказал мне о том, как в детстве, послушный зову волка, его маленький сын вышел в холодную степь, чтобы встретиться с Арланом.

- Можешь представить себе, жиен Бахытжан, как я испугался за него. Увидев Сабыржана, идущим по степи за матерым волчищем, который был ростом с теленка, я чуть не обезумел. С перепугу начал палить из ружья в воздух, а было у меня всего два патрона. В воображении я видел уже, как зверь набрасывается на ребенка и разрывает его на части, и чуть не ослеп от отчаяния. И вдруг, смотрю, и глазам своим не верю. Вижу только, что волк, не причинив никакого вреда мальчику, спокойно и неспешно, с каким-то величественным достоинством удаляется в глубину степи.

Его рассказ меня очень удивил и обрадовал:

- Он отмечен высокой судьбой, Нагаши.

- Не знаю. Но, мне кажется, что она всегда дарит ему какие-то подсказки. Наверное, кроме тебя и Сабыржана, Баурджан ага никого не целовал. Сын однажды признался мне, что влага прокуренных губ Баурджана ага обожгла ему лицо. И добавил, что этот знак продолжает гореть на его щеке какой-то меткой. Она, сказал Сабыр, помогает ему выстоять в испытаниях. И еще он сказал, что вдруг заново остро пережил ту давнюю встречу с волком в степи, когда Баурджан ага, по-волчьи, не двигая шеей, повернулся к нему всем корпусом и поцеловал его. Взгляды их встретились, и его взор горячей стрелой проник Сабыржану глубоко в душу. Глаза Баурджана ага были, по словам Сабыра, суровыми, жесткими, грозными, но в то же время добрыми. И сыну захотелось поменяться с ним глазами, как когда-то с волком, - поведал Галымжан нагаши.

- Матерый седогривый волк передал берекет-благоденствие восхождения ершистому волчонку, - пробормотал я.

Галымжан ага услышал меня и вздохнул:

- Но волчонку еще очень и очень далеко до вершинного Пути седогривого Волка.

- А разве Фатима Апке не говорила ему, что тяжелой и трудной является тропа восхождения к Пути, а сам он радостен, содержателен и прекрасен? - спросил я.

Лицо родственника стало грустным:

- Не знаю... Признаться, я не всегда прислушивался к их разговорам. А сейчас очень сожалею об этом.

... С каждым днем мы все больше любили Сабыра и радовались каждому его приходу. Но потом он вдруг перестал нас посещать, а по городу начали расползаться разные слухи, весьма противоречивые. Зная по собственному опыту, какие невероятные небывлицы сочинялись об отце, я привык вообще не доверять слухам, пропуская их мимо ушей. Но когда беспокойство за Сабыржана начало перерастать в тревогу, я написал письмо его родительнице, начав его словами: «Апке! Моя старшая сестра! Почему вы все молчите? Что случилось с моим братишкой?». И невеселым был ответ Фатимы Апке, дочери Дулатов, которую казахи по вековой привычке огрубляют слова своей гортанной речи называли Батимой: «Черным цветом пытаются вымазать имя моего жеребенка, но забывают, что чернью покрывают благородный кинжал. Запомни, что материнское сердце, хотя и болит, но никогда не лжет, а оно не верит злым и диким словам о моем сыне, которого я растила благородным человеком, и знаю, что он таким и остался. Однако его отец, твой Галымжан нагаши, привык верить всему написанному в газетах, вот и согнуло родителя печатное слово так сильно, что начал он на глазах угасать с тлеющим горем в груди. Ты не обижайся на Сабыржана, он не забыл дороги к тебе, только темные камни зиндана не дают ему расправить крылья, только черные решетки не позволяют прилететь к тебе...».

Горьким было послание сестры, но сладкой оказалась ее вера, которая невольно передалась и мне. И я стал ждать лучистого рассвета для моего Сабыржана. И не просто ждал, но писал ему письма со словами надежды во все окутанные колючкой невеселые места, куда заносила его горькая судьба узника. В то время я еще не знал, что Сабентай в скорбных местах неволи открыл пресветлую мечеть, чтобы указать соузникам пути выхода из-под внешнего гнета к внутреннему освобождению. Но впоследствии он как-то сказал:

– Я не ропщу на испытания, ниспосланные мне Аллахом. Я был невольником, но никогда не был рабом. И я всегда старался ощущать себя невольником чести. Великое спасибо стихийному суфию Михаилу Юрьевичу за это путеводное определение. А внешними невольниками были многие достойные люди, которые внутренне оставались свободными. Примеров тому можно привести множество, но почему-то первой приходит мысль о султানে Бейбарсе Бундукдари, Аль-Малик ад-Дагере, четвертом Бахристском повелителе Мысра из кипчакской династии мамелюков, победителе могучих монголов и бесстрашных белоголовых франков. А его победило

одно только слово родной речи, прилетевшее птицей из Дешт-и-Кипчак. И означало оно - отец. А за отцом стояло Отечество. В юности он внешне был рабом, а внутренне – царем. Как и рухолла Иса, который называл себя Сыном Божьим и Царем Израиля. Он создавал себя Человеком, то есть, космической сущностью, созданием Божьим, царем на земле. И явился Иса не для спасения грешников, а для пробуждения омраченных людей. Потому что человечество уже спасено любовью Бога. Пророк понимал, что призван заботиться о ближних, пробуждать их от спячки бездуховности, оберегать все живое и кажущееся неживым в природе. Или это не миссия правителей, сынов человеческих?

– Это очень тяжелое предназначение. Может, люди поэтому, подсознательно подавляют в себе проблески чувства сострадания ко многим, довольствуясь заботой только о тех, кто рядом. Но и от близких людей часто получают взамен на доброту черную неблагодарность. Вот и боятся становиться сынами Божьими, - заметил я со вздохом.

– Омраченному не стать на земле просветленным. Пробуждается лишь тот, кто сумел встать на путь духовного перерождения. Пайгамбар Иса, переполненный состраданием, обратил его ко всему человечеству, а люди его распяли, - горько улыбнулся Сабыр.

– В этой жизни каждый несет свой крест, - примирительно сказал я.

– Крест не виноват. Об этом великом символе суфии говорят, что христиане знают форму креста, а шейхи – его сущность. Да и пророк Иса был замучен не на кресте, а на перекладине, имеющей форму буквы Т, - сказал Сабыржан...

Но до этой встречи прошли годы. Закрыв отяжелевшие от горя глаза его родитель, мой Галымжан-нагаши, не сумев справиться с отцовской бедой. Перед глазами отчетливо возник его образ; узкое, тонкое, словно точеное светлое лицо, красивые волнистые волосы, глубокие и умные, синие с зеленоватыми крапинками, но как бы немного растерянные перед огромностью и многообразием мира глаза. Может, именно эта скрытая неуверенность в правильности окружающей жизни заставляла его цепляться за партбилет, как за спасательный круг.

Сабентай рассмеялся:

– У отца волосы были волнистые и шелковистые. А у нас с вами они торчат ежиком. Несмотря на иглистость причесок, все равно, волосы наши - мягкие. Наверное, и сердца у нас ласковые и добрые.

– Кто знает, кто знает... Но то, что у нас с тобой большие круглые головы и поэтому мы «казанбасы», не вызывает сомнения, - рассмеялся я.

– Но головы наши отнюдь не чугунные, - улыбнулся он...

Я вспомнил, как Сабыржан рассказывал, что во времена ранней молодости Сабентая, Галымжан ага, не совсем довольный сыном, усаживал его рядом с собой и, глядя ему прямо в глаза, строго спрашивал:

– Ты собираешься становиться человеком?

Воспитанный в духе почитания отца и уважения к старшим, Сабыр кивал головой. Но в глазах отца вспыхивало и начинало метаться сомнение. Он доставал из кармана завернутый в чистый белый платок партийный билет и с едва заметной горечью говорил:

– Почему в таком случае ты не вступаешь в партию?

– Я внутренне еще не готов, - признавался Сабыржан.

– Ты сначала формально стань членом партии, а она со временем сама наполнит тебя внутренними убеждениями, создав надежный, прочный, стальной моральный стержень. А без такого билета тебе никогда не стать человеком, - подводил он черту под назиданием.

Сабыр покосился на родительницу и уловил ее прерывистый невеселый вздох. Слова мужа представлялись ей не очень глубокими и правильными, но перебить его речь она не считала возможным в силу восточно-степного воспитания. Ее душа не принимала безбожия в материалистической вере супруга, и она ненавязчиво, но настойчиво внушала детям положения своего мировидения, имеющего многовековые корни. Она делала это деликатно, но достаточно твердо, не настраивая при этом отпрысков против отца, авторитет которого поддерживала всегда и во всем. Однако когда муж иногда возвращался домой с дружеской вечеринки, и от него пахло винным ароматом, она одобряла действия бабушки Сабентая, которая давала ему особую посуду и кормила отдельно от семьи, не за общим столом. Бабушка была родом из святых ходжей, потомков пророка Мухаммеда, женщиной праведной и властной. Глядя на действие бабушки, дети начинали осознавать, что пьющий человек постепенно становится подобным прокаженному. Когда выдавалось свободное время, Фатима Апке собирала детей вокруг себя и рассказывала занимательные и мудрые притчи, которые проникали в сознание ребятишек лучше, чем прямолинейные нравоучения, и оставались с ними на долгие годы, а то и на всю жизнь. Из этих рассказов явствовало,

что человека делает человеком не роскошный халат, не высокое положение, не мешки с золотом... «И не партийный билет», - мысленно добавлял Сабыржан. А родительница с просветлевающим лицом внушительно завершала мысль о том, что человека превращают в человека честь и достоинство, верность и сострадание. И добавляла, что самым великим сражением является битва с самим собой, с собственными пороками, низменными страстями и недостатками, со всеми демоническими проявлениями несовершенного Нафса-Эго. И поясняла, что именно эта война и называется Джихадом. Отец же считал священной Великую Отечественную войну, участником которой являлся, а неверными для него на всю жизнь остались фашисты. И в этом он был прав. Даже соглашаясь с ним, Сабыржан не мог удовлетвориться утверждениями отца. Он догадывался, что вопрос этот слишком сложный и серьезный, и что пяти слов о священности и несправедности мало, чтобы ответить на него. Наверное, поэтому он любил больше слушать слова матери. Со временем Сабыр понял, что рассказанные Фатимой Апке притчи имели множество уровней осознания, а отсюда – и немало ступеней восхождения. И даже когда Галымжан нагаши покинул этот бранный мир, она не позволяла себе при детях осудить ни одно его слово, ни один поступок отца.

Однако сам он перед уходом в вечность, наверное, не понял, что оставляет в наследство детям чувство вины перед ним. Но какой сын не испытывает вины перед родителями после их ухода из земной жизни? Каждый из нас считает, что не успел сказать родителю последнее слово, обделил его вниманием, не дал в достаточной мере ласки и тепла... И в этом дети правы. Но порой думается, что без этого неоплаченного долга мы перестали бы чувствовать себя людьми.

Настал, наконец, день, когда тучи над головой Сабыра рассеялись. В прах рассыпались проржавевшие замки и засовы, расплавились мотки колючей проволоки, и он не сломленным вышел на солнечную свободу. Голоса газет изменились и начали говорить хвалебную правду о Сабыржане-хаджи, совершившим в свое время два паломничества в святую Мекку и всю жизнь неукоснительно придерживавшемся лучших заветов Шариата. Я читал публикации о нем, радовался, но самого его не торопил, зная, что он нас не забывал. И однажды он позвонил, извинился за долгое молчание, сказал, что был занят расчисткой завалов накопившихся проблем, а потом погружен в глубочайшее для него горе, связанное с невосполнимой утратой – смертью горячо

любимой и почитаемой родительницы. При этом известии язык мой как будто онемел, стал словно замороженным. С великим трудом я выдавил из себя слова соблезнования, которые счел недостаточными, и попросил его прийти к нам, сказав, что хочу обнять его и поплакать вместе с ним...

А совсем недавно Сабыржан пришел к нам с молчаливым джигитом по имени Аскербек и своим сыном Мадиханом, таким же светлолицым, как и он сам. Он привез гостинцы, главными среди которых были румяные и мягкие лепешки родины, аркинский кумыс медового вкуса и тягучий, как древний напев, кызылординский шубат. Конечно, угощения было достаточно и в нашем доме, но нас до самой глубины души тронуло знание Сабыра о священности хлеба и молока. И этот дар был высоким уважением не к нам, а к памяти нашего отца, к его высокому шаныраку, в котором мы были только хранителями-ширакчи. Он словно знал, что все злаки имеют дикорастущие виды на земле, и только пшеница в диком виде никогда не встречается. Она была послана людям из звездных далей в том виде, в котором мы ее знаем. Но как часто мы забываем о святости хлеба. Поэтому, может, лепешки, имеющие форму жизнедарящего солнца, принесенные Сабыржаном, так сильно тронули мою душу. Да и молоко являлось дарением с высоким смыслом. Это было знаком особого пожелания благоденствия нашему очагу, чтобы в нем никогда не переводилось молоко священных для казахов животных – кобылиц и верблюдиц. Но за ним крылись и другие смыслы, говорящие о том, чтобы наша родственность была крепкой, как кумыс, дарящий радость и здоровье, и густой и целебной, как шубат. И еще этим подарком была высказана просьба младшего к старшему сохранить наши отношения белыми, бескорыстными, ничем не замутненными, то есть, всегда и навеки держать сердца чистыми друг к другу, в состоянии Ак журек... А потом пришло другое воспоминание... Городская колыбель стала тесной для Сабыржана, и после окончания им второго класса родители, забрав с собой детей, вернулись в просторы степи, в космическую ладью белопенного от высоких юрт Коргалжинского аула, в густоказахские края. По мере взросления Сабентай проникся уверенностью, что именно чуткие и незаметные, но настойчивые настояния родительницы заставили отца предпринять такой важный шаг. Ему не очень трудно было оставить работу на городском производственном предприятии, уволиться со службы на железной дороге, потому что был он коммунистом по убеждению, искренне верящим в идеалы этого учения и вступившим в партию не ради

достижения корыстных целей и высоких должностей. Он не сомневался, что честно служить партии можно в любом уголке земли. Но главным, видимо, было то, что в сердце его всегда хранилась тоска по аулу. Иначе бы он не согласился на переезд. Но святая родительница, наверное, умела видеть дальше. Она глубоко понимала, что аул был извечным хранителем чистоты золотых Врат, отпирающих посредством священных Аруахов духовный Путь к великим откровениям и мудрым знаниям, ибо откровение есть прямое познание доступных искорок Истины, а мудрость – это всегда незапятнанная нравственность. Этот канал был проложен пращурами, продолжен предками и сохранен дедами. В русле его заключена мощь небесного потока, насыщенного неиссякаемой жизненной силой обычаев и традиций народа, прошедших самые суровые испытания тысячелетиями. Их нельзя считать устаревшими, потому что вечное – не стареет. Их преступно называть дикими, потому что нравственность всегда современна, и она часто идет впереди своего времени. Жаждающие пригоршнями пьют из этого родного потока, наполненного вековой памятью, и каждая капля вливает в сердце теплый свет веры отцов. Омраченные идут на водопой к чужим рекам, воды которых сладки для тех, кто вырос в их руслах, не понимая, что каждый глоток из не своего источника обрекает их на беспомощность. А возвращение к родным истокам становится долгой тернистой дорогой, по одну сторону которой обрывается туманная бездна, а с другого бока лежит распростертое тинное болото с гнилостным запахом. Но если бы бездна была чиста от тумана, она все равно осталась бы пропастью. И если бы болото было заполнено не тухлой водой, а медом, оно так и осталось бы трясиной. А разве душе приятней падать на засахаренные леденцовые глыбы, чем на покрытые белесыми клочьями тумана скалы? Или ей сладостней тонуть в тягучем меду, чем в затянутом ряской болоте? Спасение душе несут вековые обычаи и традиции народа, если они с детства вращались в сердце человека. А когда вырастал его разум, то он начинал понимать, что родные традиции и обычаи, кроме поверхностного прочтения, имеют еще множество сокрытых смыслов, как наша Священная Книга. Вот тогда он осознавал, что никто не может стоять выше народных обычаев и традиций, ибо они мудрей его и являются верными проводниками на пути – наставниками, устазами. И тогда к нему приходил Иман.

Мудрая женщина, давшая жизнь десяти детям, из которых Сабыржан был пятым, владела этим знанием, поэтому и настояла на переезде в аул, где бил чистый родник исконно

народной, собственной духовности, хотя никогда не отрицала и не опровергала высоких обретений, сделанных другими. Родительница хотела, чтобы каждый ребенок рос в своей колыбели, пропитанной песнями, которые пелись на родном языке. Она понимала, что Золотые ворота аула открывали путь, являющийся высочайшим порталом, ведущим в звездные миры. Белое молоко связывало родством людей и Млечный Путь, по которому каждой душе предстоит, волей Аллаха, возвращение на свою истинную родину. Заблудиться на этой дороге обречен лишь тот, кто лишен родного языка, чести и достоинства, кто в земной жизни пренебрегал обычаями и традициями своего народа. Этот человек, теряя верное направление, устремится в нижние миры, вместо того чтобы на более высоких и совершенных уровнях бытия продолжать исполинский труд по очищению и возвращению своей души.

Светлая женщина, которой Аллах послал в дар десять душ, дав им жизнь через ее священное лоно, вынуждена была с болью в сердце троих вернуть Богу. Однако она не роптала, сознавая, что Всевышний ниспослал ей испытание, которое нужно выдержать с достоинством. Материнская душа исходила кровью от тоски, но она же говорила, что смерти нет, что земная кончина является всего лишь проводником в иные миры, что есть расставания на земле, но нет разлук в небесах, что им еще предстоят встречи среди звезд. Поэтому она-Ана с тяжким вздохом, похожим на рыдание, говорила «Тауба!» и с новыми силами готовила оставшихся на земле детей своих к жизненному Пути.

Первым наказом ее было не превращать содержательные дни, отпущенные Создателем, в клубы пустого табачного дыма, а разумное существование не отравлять долгим безумием чужеродной бешеной воды. И ее сын Сабыр в своей жизни ни разу не поднял даже в самых торжественных случаях фиал с шарапом-вином и никогда не брал в руки даже не зажженную сигарету. Она поощряла в сыне стремление к совершенствованию тела, требуя, чтобы он не забывал о развитии души. Она одобряла его целеустремленность в овладении боевыми искусствами, но не уставала повторять, что казах для казаха должен быть не батыром, а братом. При этом родительница добавляла, что нельзя отталкивать людей чужой крови, если их путеводной звездой также являются честность и благородство. И Сабыр вспоминал наставления учителей, что высшей победой является избегнутый бой. Если, конечно, его можно избежать предложением дружбы, мира и братства, а не

посредством трусливого бегства. Она учила любить родной язык, говоря, что только он способен орошать сердце жизнедарящими соками мощных многовековых, никогда не стареющих корней, сладкой силой потоков, поднимающихся по могучему стволу Байтерека, ветвями которого служат казахские Жузы, ветками – роды и племена, веточками – семьи, а листьями – люди. При этом просила не отчуждать свою ветвь от других ветвей и помнить о том, что у всех у нас корни общие, а ствол – один. Она говорила: «Казахи спрашивают друг друга о роде-племени не для отчуждения, а ради сближения, не для разделения, а для единения. И делают это, зная, что в любом крае встретят родную кровь; либо наша девушка была юной плодоносящей веточкой привита к ветке джигита из этого аула, либо их дочь приросла к ветке нашего рода, либо сын привез из ближних или дальних краев цветущую веточку, чтобы продолжился расцвет жизни. И узнавая в человеке с первой встречи свата, или нагаши – родственника по материнской, а то и по бабушкиной линии, или жиена – сына, либо дочь сестры или тети, гость радуется, ощущая, как из сердца испаряется щемящее одиночество и сиротство, а край, где он оказался впервые, перестает быть чужим. Главное, в нем расширяет границы, крепнет и растет в глубину и в высь великое чувство Родины.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В неярком свете пасмурного дня очертания всех вещей казались размытыми, и только лицо Сабыржана виделось четким и ясным. За окном моросил серый дождь, погружая дома в задумчивую грусть, а деревья – в тоску. С крыш сбегала вода, окрашивая желтые лица зданий в темные подтеки. Мокрый ветер пронесся, как продолжительный вздох, вырвавшийся из груди истомившегося города.

– Тяжкая погода, - невольно вырвалось у меня.

– Как состояние оралманов, - откликнулся Сабыр.

– И то верно, - я удивленно посмотрел на него.

Он покачал головой:

– По подавленному состоянию верно, по унижительному прозванию – не правильно.

– Объяснись, пожалуйста, - попросил я.

Сабыржан потер ладонями виски:

– В двух словах, Бахыт ага, об этом не скажешь. Все внутри еще кипит, а попробовать горькое историческое варево на вкус еще рано, можно губы и горло, и даже сердце обжечь.

– А ты немного подуй на него прохладой рассудка, чтобы оно немного остыло, - посоветовал я.

– Рад бы сделать это, но я убедился в том, что разум в этом случае ничего не остужает, - отозвался он.

– Ты попробуй хотя бы крышку приоткрыть и выпустить пар, а то ведь котел может взорваться, - улыбнулся я.

Сабыр посмотрел на меня с легкой укоризной:

– Что-то нас повело под кулинарный уклон, хотя нам был указан поисковый подъем.

– Но ты же сам начал, - заметил я.

– Значит, по форме я начал ложно, хотя по содержанию старался привести свои слова как можно ближе к земной истине, - покачал он головой.

– Выходит, надо обходиться без уклонов, - вздохнул я.

– Правильно. Я и сам не люблю влиять, - лицо его прояснилось.

– А мы не забыли того, с чего начали? – спросил я.

Сабыржан снова помрачнел:

– Об этом нельзя забыть. В уклончивом слове «оралман» есть смысл возвращения, но упущено содержание многолетних скитаний. Многие из них и сами поверили в то, что вернулись на родину с чужбины. Но мы даже из извращенной политической истории знаем, что большинство из них никогда не покидало

родины, и получается, что они совершили возвращение на родину с родины. И разве они виноваты в том, что державные, хищные соседи оторвали зубами изрядные куски земель, испокон веков принадлежащих нашим предкам? Исконные земли казахов были обнесены и опечатаны границами. Горы, реки, озера, аулы получили чужие прозвища, чтобы с годами забылись их настоящие имена, чтобы память человеческая стерлась настолько, что люди перестали бы сомневаться в том, что они пришлые и чужие на земле предков.

– В отношении китайских и российских сородичей с твоими словами можно согласиться. Но что ты скажешь о казахах, едущих сюда из Турции и Ирана? – я пытливо посмотрел на него.

Сабыржан замотал головой:

– Сородичи наши не являются ни китайскими, ни российскими, а были и остаются казахскими. А что касается Ирана, так он тоже не чужой, ведь когда-то, пусть и в давние времена жили родные братья Иран и Туран, а значит, их отец был нашим праотцом. А Турцию вообще нельзя отдалять от нас, ведь все мы – турки, выходцы из колыбели Турана. Вот почему казахи из рода канглы, составившие основу турецкой нации, назвали себя турками, не желая забывать о Туране, своей родине, вынужденно оставленной ими в силу каких-то серьезных причин. Конечно, казахи, откочевавшие в разные стороны света, за многие столетия растворились в иных культурах, ассимилировались с теми народами, в гущу которых попали, и как будто потеряли память о прародине. Но я убежден, что у них осталась генетическая память, великая прапамять, которая заставляет тосковать по родным степям и горам. На Кавказе – это кумыки и ногайцы, балкарцы и карачаевцы. В Венгрии – это венгры-унгары, наши мадяры. В Молдове живут наши гагаузы. В Болгарии – дети хана Аспаруха. В Египте – потомки султана Бейбарса, четвертого бахристского правителя из династии мамелюков, которые более века властвовали в Мысре. В Индии остались человеческие семена повелителя Акбара из Великих Моголов. Казаки первоначально почти на сто процентов состояли из тюрок, потому и оставили себе наше имя. Об этом знал и писал еще Шолохов. В Монголии – Баян Ольке. Река Лена – Ель Ана, мать народа. Байкал – богатое озеро Бай коль. Наши братья, Саха и Хакасы. Енисей – Материнский лог Ене сай. Наши предки правили Ташкентом, и там же находится гробница великого Толе би, которого узбеки называют мудрым соловьем – Карлыгоч Би. Там же покоится и

Шымыр Баба. И почему когда-то Пекин, столица Поднебесной, прозывался Хан Балык, по-казахски Царь-рыба? Я о многом не вспомнил, но даже за то, что сказал, меня станут бить ученые мужи. Однако никаким авторитетам научного мира не выбить из меня моих убеждений.

– Историческую науку давно превратили в служанку правящих идеологий, так что академические жала вряд ли вонзятся в твою душу и отравят тебя, - усмехнулся я.

– Они вызовут зуд, однако их, даже за короткую жизнь одного поколения, ждет суровое разоблачение, потому что развитие производит свои неумолимые ротации, - улыбнулся он в ответ.

– Однако эти суды истории, открывая людям один аспект, скрывают от взоров многие другие грани, - вздохнул я.

– Зеркало истории тоже покрывается пылью, поэтому его надо, хотя бы изредка, мыть и протирать, - кивнул головой Сабыр. – Пока в этом зеркале еще не помутнели отражения одной из наших столиц, носившей имя Омбы, а до этого называвшейся Кызыл Жаром, отблески города Желтой Горы – Сары Тау, Астрахани – ставки звездного Астра хана, Тюмени как места расположения боевого Тумена. И вовсе не потускнели в нашей памяти дела Хрущева, отдавшего наши южные районы соседям. Но почему сейчас наши земли преподносят чужим, словно головы жертвенных овец? Разве от отцов остались дарящим в наследство священные земли, за целостность и свободу которых деды и прадеды садились в боевые седла, беря в руки палицы-шокпары и булатные мечи-наркесы? Как можно распоряжаться тем богатством, которое не принадлежит тебе, и твоему отцу не принадлежало?!

– Этот упрек следует адресовать не нам, - я легонько прикоснулся ладонью к его плечу.

– А мне кажется, что мы все виноваты, - не согласился он. – Наше равнодушие, наше малодушие, наша пассивность сделали возможным такие страшные деяния. Если бы наши разрозненные голоса слились в единый протест, а маленькие кулаки сплывались в единый, мощный кулак, то дарители народного достояния крепко бы призадумались, прежде чем решиться раздавать земли направо и налево.

– Наверное, ты прав, - вздохнул я.

– Дело не в правоте слов, а в справедливости действий, - Сабыр опустил голову. – Но я верю, что небесный Казахстан, возвышающийся над нами, остается целостным и неделимым. В этом смысле мы все – оралманы, поскольку каждому из нас придется в свое время пережить возвращение на родину. И я